

УДК 329.11(470+571)

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-227-240

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Вититнев С.Ф.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются черты и особенности современного российского консерватизма, выявляются закономерности и основные этапы его становления и развития, причины роста политического влияния. Дана характеристика основных направлений внутри консервативного движения, раскрывается специфика их идейно-политической деятельности, в первую очередь, связанной с попытками модернизации своего имиджа и самоидентификации. Раскрывается социальная природа современного российского консерватизма. Делается вывод, что, несмотря на наличие ряда проблем, стоящих перед российским консерватизмом, его положение в рамках действующей политической системы достаточно устойчиво, что определяется поддержкой со стороны значительной части правящего класса.

Ключевые слова: консервативная политика, идеология консерватизма, консервативные течения, левый консерватизм, ситуативный консерватизм.

MODERN RUSSIAN CONSERVATISM AND THE POLITICAL PROCESS

S. Vititnev

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article scrutinizes the traits and peculiarities of the modern Russian conservatism. The objective laws and main stages of its formation and development are found out. The reasons for the growth of its political influence are given. The main flows inside the conservative movement are characterized, as well as the specificity of their ideological-political activities. First of all, the specificity connected with the attempts to modernize the political image and self-identification is studied. The social nature of the modern conservatism is disclosed. The conclusion is made, which states that the position of the Russian conservatism inside the present political system is rather stable despite it has numerous problems. This stability is defined by the support given by the substantial proportion of the ruling class.

Key words: conservative politics, ideology of conservatism, conservative movements, the left conservatism, situational conservatism.

Первые десятилетия XXI в. в российской политической жизни были ознаменованы укреплением позиций партий, движений, кругов, заявлявших о своей приверженности к консервативным ценностям, в ряде случаев напрямую идентифицирующих себя с представителями дореволюционного российского консерватизма, либо охотно проводившими параллели между своими идейно-политическими установками и теми, что выдвигались некоторыми зарубежными организациями как прошлого, так и настоящего, традиционно относимых к консервативному лагерю.

При этом, несмотря на все аналогии и сопоставления, обнаруживалась их условность, поскольку постсоветский, постсоциалистический консерватизм по целому ряду характеристик заметно отличался от неких канонов, приверженность к которым демонстрировали консерваторы иных эпох и иного национального происхождения. Подобная ситуация вполне закономерна, поскольку за более чем два века с момента своего возникновения консерватизм, под воздействием происходящих общественных изменений не только национального, но и планетарного масштаба, поменял свой облик, обретая новую социальную базу, был вынужден обновлять свои идейно-политические установки, ассимилируя концепции, заимствованные из других идеологий, в частности, либерализма. Как отмечает в этой связи А.Н. Окара, консерватизм предстал как реактивный идеологический проект, альтернативный Просвещению и буржуазной революции во Франции с 1789 г., но его дискурс был ограничен эпохой модерна. В условиях же постмодерна

– вторая половина XX в. – начинают появляться различные идеологические гибриды [12, с. 119].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что у консерватизма существуют родовые признаки, хотя в зависимости от эпохи, сложившейся в стране политической ситуации, некоторые из них могут утратить былое значение, обнаруживая себя в заметно трансформированном виде, тесно переплетаясь с признаками ранее отсутствующими, но с некоторых пор обретшими ключевое значение, демонстрируя тем самым, что специфика консерватизма не сводится к единой и неизменной идейно-политической традиции, а, напротив, предполагает различного рода изменения, заимствования, модернизационные сдвиги. Так, к числу ключевых идей, сформулированных теоретиками феодального консерватизма, относились обоснования существования неравенства и благотворность социальных иерархий, культ сильного государства, отрицание институтов парламентской демократии, рассмотрение религии, Церкви, семьи, частной собственности в качестве незыблемых ценностей, признание «несовершенства» и греховности человеческой природы и ограниченных возможностей разума [11, с. 115]. Однако в наши дни многие из этих идей сняты с повестки дня или преподносятся посредством различного рода эвфемизмов.

Обращаясь к вопросу о соотношении общего и особенного применительно к политике и идеологии современного российского консерватизма, в теоретико-методологическом плане следует исходить из того, что консерватизм как социальный феномен, имеет

наднациональную природу, но обнаруживает себя в формах, во многом детерминируемых особенностями исторического бытия конкретных стран и народов, на определенных стадиях движения общества по пути внутренней трансформации, в первую очередь при переходе от феодального мироустройства к буржуазному [3, с. 10]. Это значит, что раскрытие сущности постсоветского консерватизма, выявление его черт и особенностей предполагает изучение в качестве определяющего фактора социальных противоречий и коллизий, пронизывавших жизнь общества вплоть до начала XXI в., порождая многочисленные страхи и негативные ожидания, что по прошествии, как пишет Л. Бызов, «революционной смуты» повергло массовое сознание в состояние политической апатии и безальтернативности, когда основой общественного согласия становится синтез различных идеологий [2, с. 4].

Говоря о современном российском консерватизме, отметим, что со времени своего возрождения в постсоветской России, он как в идейном, так и организационном отношении не может претендовать на целостность и внутреннее единство [15, с. 135]. Как идеология консерватизм изначально представал в виде конгломерата политических учений, идей, положений, по целому ряду позиций противоречащих друг другу [6, с. 62], многие из которых достались по наследству от русских консерваторов досоветского периода, также достаточно сильно расхоdivшихся во мнениях. Примером чему могут служить славянофилы и представители официально-монархического лагеря. Другим идейным источником постсоветского консерва-

тизма выступали политические теории авторов, уехавших в эмиграцию после победы социалистической революции в 1917 г., и ряда диссидентов советского времени.

Именно поэтому в 1990-е гг. XX в. консерватизм предстает как движение, носящее сугубо антисоветский и антисоциалистический характер, знаковыми фигурами которого выступали такие диссиденты, известные с советских времен, как А. Солженицын, И. Шафаревич, Л. Бородин, чья политическая деятельность и идейные установки строились в так называемом национально-патриотическом ключе. Этот же подход демонстрировали последователи (А. Дугин) другого консервативного течения – евразийства, доказывавшие с позиций геополитики необходимость сохранения России как евразийской цивилизации, созданной славяно-тюркским суперэтносом¹.

В конце XX – начале XXI в. набирает силу процесс политической институализации консерватизма – закладка его организационного фундамента. Именно тогда возникают партии, движения, газеты и журналы, провозглашавшие свою приверженность консервативным ценностям. К их числу относились Консервативная партия России «Российское земское движение», «Серафимовский клуб», журналы «Эксперт» и «Русский предприниматель», газета «Консерватор», движение младоконсерваторов и т.д. Их появление свидетельствовало о том, что консерватизм, не имевший в Советском Союзе устойчивой социальной базы и определявшийся как идейно-политическое

¹ Его создателями также были русские философы-эмигранты Н. Трубецкой, Г. Флоровский и др. См.: [14].

течение классово-антагонистического общества, несмотря на внутреннюю фрагментизированность, начинает обретать определенный политический вес и упомянутую социальную базу в лице национальной буржуазии, не связанной прочными экономическими отношениями с иностранным капиталом, а поэтому делающей свой бизнес, опираясь на внутренний рынок. Помимо этого, как указывает Э. Попов, его сторонников чаще всего можно было встретить среди представителей русской православной Церкви, в рядах ветеранов Вооруженных сил и спецслужб, казачества, а также национально ориентированной части интеллектуальной элиты [14, с. 51].

Складывание организационной структуры консервативного движения было вызвано спецификой реставрации капитализма в ходе так называемых демократических реформ, осуществляемых согласно рецептам классического либерализма и породивших в обществе множество конфликтов и противоречий. Это вызывало критику, подчас достаточно резкую, со стороны консерваторов-традиционалистов, враждебно настроенных по отношению к социализму, принимавших восстановление капиталистических порядков, но отвергавших те методы, с помощью которых эта задача решалась. Составляя ядро постсоветского консерватизма, они были убеждены в возможности, если использовать выражение В. Куликова и А. Ширинянца, рецепции отдельных идей и положений отечественной консервативной мысли в современной государственной практике [7].

В то же время коллизии общественной жизни стали стимулом для появ-

ления еще нескольких консервативных течений – правового, левого, либерального, номенклатурно-бюрократического толка [13; 9; 11]. Постсоветский консерватизм оказался подвержен мутациям, свойственным эпохе постмодерна, о чем речь шла выше.

Рост политического влияния консерватизма определялся как разочарованием подавляющего большинства населения в политике либеральных реформаторов, так и неспособностью коммунистов, потерявших статус правящей партии, вновь привлечь на свою сторону необходимое для возвращения к власти числа сторонников. При этом в силу того обстоятельства, что происходившие в стране изменения встречали отторжение, вызывали охранительные реакции не со стороны уходящих с исторической арены элитариев-аристократов или не овладевших новыми правилами рыночной игры отдельными фракциями класса капиталистов, а у достаточно широких слоев населения в консерватизме все громче начинают заявлять о себе течения, выступающие с критикой находящихся у власти политического режима, стремящиеся таким образом увеличить число своих сторонников.

Потребность в практическом воплощении этой задачи предопределила усиление левого фланга консервативного движения, лидеры которого отказываются от постулатов «классического» консерватизма, содержащих апологию социального неравенства, выдвигая на первый план идеи патриотического, демократического и даже социалистического звучания. Так, патриотическая тема нашла свое выражение в выступлениях и публикациях политиков, писателей, публицистов, разделяющих

мировоззренческие установки газеты «Завтра» (А. Проханов), партии «Родина», демонстрировавших позитивное отношение к советскому прошлому.

С идеями социал-реформистского толка начинают выступать ряд религиозных деятелей, тесно связанных с русской православной Церковью, утверждавших, подобно А.В. Щипкову, об обесценении универсальности либеральных принципов и возможности возникновения в этих условиях консервативного социализма [18, с. 247].

Более того, приверженность, демонстрируемая руководством Коммунистической партии Российской Федерации концепциям «русского социализма» и государственного патриотизма, содержащим элементы геополитики и идеи, заимствованные у славянофилов, евразийцев и даже извлеченные из произведений философа-белоэмигранта И. Ильина, известного своим враждебным отношением к советской власти и коммунистическому учению, утверждение исчерпания лимита на революции, комплиментарное отношение к Церкви и религии, дает основание некоторым авторам заявлять о консервативной природе данной партии [1, с. 1378].

Следует заметить: положение о том, что охранительными настроениями в нашей стране оказались охвачены широкие слои населения, благодаря чему и возникли «левые» тенденции в консервативном движении, отнюдь не противоречит другому, необходимому и определяющему в теоретико-методологическом плане, согласно которому консерватизм следует рассматривать как политику и идеологию, выражающие интересы, настроения, мировоззрение социальных групп, нисходящих

с исторической арены, испытывающих страх перед происходящими изменениями, стремящихся сохранить существующий статус-кво.

Дело в том, что разрушительные реформы конца прошлого века, сопряженные с закрытием тысяч предприятий, развалом целых секторов экономики, массовой безработицы, катастрофическим снижением уровня жизни и, как следствие, массовой маргинализацией населения, своей обратной стороной имели существенное изменение социальной структуры общества. Приспосабливаясь к новым реалиям, зачастую стремясь просто выжить, множество людей начинает перебиваться случайными заработками, вести мелкую торговлю, ездить за рубеж и перепродавать купленные там вещи, заниматься частным извозом и т.д.; при этом теряя квалификацию, утрачивая навыки, связанные с видом деятельности, осуществляемой в советское время, они смогли как-то вписаться в складывающуюся систему буржуазных отношений, превратившись, помимо своей воли, в весьма многочисленную социальную группу – мелкую буржуазию.

Обретя положение, предполагающее даже минимальный уровень социальной устойчивости, ее представители, изначально сожалея о канувшей в прошлое советской эпохе, тем не менее не стремились к возвращению в прошлое, не верили в возможность восстановления социализма, отвергали сколько-нибудь решительные изменения в обществе, опасаясь, что они приведут к последствиям, которые вновь обернутся социальной катастрофой.

Таким образом, именно новые мелкобуржуазные слои стали той силой,

что породили настроения «левого» консерватизма, задавая направленность его политического развития и содержание политической идеологии.

Консервативные настроения на рубеже прошлого и нынешнего веков все больше и больше начинают охватывать и представителей среднего и крупного бизнеса, до недавнего времени безоговорочно поддерживавших либерал-реформаторов, но, обретя положение экономически и политически господствующего класса, в условиях периодически заявляющих о себе кризисных процессов в финансово-экономической сфере, обострившейся внутриклассовой борьбе в собственной среде, участвовавших в выступлениях внесистемной оппозиции и усиливавшейся по целому ряду позиций конкуренцией со странами Запада на международной арене, заставляет многих из них идти по пути отказа от прежних идейно-политических приоритетов и переходить на позиции социального охранительства, обнаруживая растущий интерес к идеологии и политической практике консерватизма. Подобная трансформация была не столь болезненна, поскольку, как уже отмечалось выше, специфика консерватизма не определяется какой-то одной идеологической традицией, а потому осознание того, что возможна потеря обретенного статуса, политического влияния, материальных благ достаточно легко превращали бывших сторонников либерализма в консерваторов.

Строго говоря, это превращение начинается с момента прихода буржуазных реформаторов к власти в 1991 г., ведущих борьбу против советского строя и заявлявших о себе как об адептах классического либерализма. Однако

оказавшихся у руля государственного управления, провозглашая идею о минимизации вмешательства государства в экономику, поскольку все по местам должна расставить невидимая рука рынка, они предстают в качестве консерваторов, напоминающих западных либертарианцев [8]. Правда, в отличие от тех либертарианцев, команда «чикагских мальчишек» во главе с Е. Гайдаром выражала интересы не частных собственников, тяготящихся излишней опекой со стороны буржуазного государства, а формирующегося класса буржуазии, разрушившего государство социалистическое и опиравшегося на всестороннюю поддержку со стороны также находящегося в процессе формирования государства буржуазного.

Будучи оттесненными от власти своими бывшими единомышленниками, решившими дистанцироваться от либерализма, в его либертарианском исполнении, эта часть политического истеблишмента начинает концентрироваться в таких правоцентристских партиях, как «Гражданская сила», «Демократическая партия России», «Союз правых сил», «Партия Роста», «Гражданская платформа», сохраняя приверженность своим исходным установкам, позиционируя себя как правых либералов или даже как консерваторов¹. Электоральные неудачи время от времени заставляли руководство этих партий задумываться об изменении собственного образа в глазах избира-

¹ Как замечает в этой связи известный исследователь истории консерватизма А. Репников, можно предположить, что представители правых сил желают «заморозить» нестабильную и несовершенную политическую систему, сложившуюся за последние десятилетия, а подобный консерватизм выступает прикрытием для обанкротившихся политиков [20].

телей, что предполагало проведение собственного идейно-политического ребрендинга. Примером тому может служить «Правое дело», попытавшееся вторгнуться в чужое политическое пространство, начав осваивать, хотя и безрезультатно, национал-патриотическую проблематику.

Если одна часть вчерашних либералов начала превращаться в либертарианцев, судя по всему, не осознавая сути происходящего, то другая, о которой речь шла выше, свой «консервативный транзит» совершила вполне осознанно, перепрофилируя деятельность и политические установки созданных при их непосредственном участии партий.

Примером тому может служить появление в 1993 г. «Партии российского единства и согласия», выступившей с так называемым консервативным манифестом, авторами которого были В. Никонов и С. Шахрай, близко стоящими к властной элите того времени. В этом документе положения, типичные для идеологии либерализма (значимость частной собственности и свободы конкуренции) перемешались с теми, что были выдержаны в явно консервативных тонах (утверждавшие о существовании вечных ценностей, сохранение старого в сочетании с движением вперед, проведение необходимых реформ). Во второй половине 1990-х гг. о собственной консервативной ориентации устами своего лидера В. Черномырдина заявляет еще одна проправительственная партия, ранее считавшаяся либеральной – «Наш дом Россия», именуя себя «партией просвещенного консерватизма» [114, с. 65].

Весьма показательна политическая судьба нынешней партии власти «Еди-

ная Россия», образованной в декабре 2001 г. и уже на своем втором съезде в 2003 г. провозгласившая себя партией энергичного социального консерватизма, и в настоящее время определяющая свою политическую позицию как правоцентристскую и либерально-консервативную [5, с. 21]. Развивая это положение, заместитель секретаря Генсовета «Единой России» Ю. Шувалов утверждал, что консервативный поворот – не произвольный вектор политической элиты, а господствующий идейный и ценностный тренд самого российского общества, выражением чего служит рождение и успех его партии [19, с. 4]. В подтверждение своей консервативной идентичности лидеры «Единой России» обращаются к проблематике, определяющей специфику консервативного дискурса, в частности, значение традиций в истории российской цивилизации, роли Церкви и религии в ее становлении и развитии, подчеркивая, что «традиционные российские ценности легли в основу национального курса», реализуемого партией «Единая Россия», руководством российского государства¹ [4, с. 79].

Подобные действия достаточно критично воспринимались сторонниками консервативных течений, ориентированными на иные ценностные приоритеты. В частности, стремившимися подчеркнуть свою преимущество

¹Касаясь вопроса о привлекательности консерватизма для современной российской власти, А. Давыдов и С. Устинкин указывают, что она определяется его универсальностью, связанной с ориентацией на индивидуальные для каждого общества и эпохи принципы, которые применительно к настоящему историческому моменту сводятся к отказу от революций и неприятию отвлеченных утопий, предполагающих радикальную перестройку общества.

ность с правым дореволюционным консерватизмом, знаковыми фигурами которого были Л. Тихомиров, К. Леонтьев, К. Победоносцев, М. Катков, или обращавшимися к концептуальным построениям таких зарубежных авторов, как В. Парето, К. Шмитт, М. Хайдеггер, Э. Юнгер, а потому воспринимавшими «консервативный транзит» партии власти как политическую мимикрию и «эпигонский консерватизм».

Не меньший скепсис в консервативной среде вызывал квазиконсерватизм КПРФ, в идеологии которой присутствовали положения, далекие от ортодоксального марксизма-ленинизма. По замечанию Э. Попова, причисление КПРФ к консервативному лагерю – следствие использования определенными политологами «ситуативного подхода», ведущего к методологической путанице, к тому, что консерваторами объявляются «партия власти», ультралибералы и их антиподы из «левопатриотического фланга» [14, с. 72]. Неприятие этого подхода своим следствием имело то, что в рядах российских консерваторов-ортодоксов начали раздаваться призывы осуществить процедуру самоидентификации¹, связывая ее с четким определением мировоззренческого ядра консерватизма.

Заметим, что, с этой точки зрения, участники консервативного движения,

¹ Применительно к политической науке, изучающей феномен современного российского консерватизма, эта процедура трансформируется в процедуру выявления сущностной специфики каждого из течений, заявляющих о своей консервативной природе. Если перефразировать известное высказывание К. Маркса, то подобно тому, как о человеке нельзя судить на основании того, что он сам о себе думает, так и о идейно-политическом течении невозможно судить на основании тех представлений, которые оно само о себе создает.

призывающие к реставрации самодержавия и мечтающие об организации социальной жизни в соответствии с представлениями авторов XIX в., скорее могут быть определены как реакционные романтики-утописты, чьи политические представления в условиях отсутствия необходимой социальной базы (дворянства) во многом определяются культурно-историческими и даже эстетическими воззрениями. В то же время охранительные умонастроения, охватившие определенную часть политических и экономических элит, свидетельствуют об осознании ими необходимости придать устойчивость во имя «увечковечивания» своего общественного положения, сложившейся в России системы социально-экономических и государственно-политических отношений, что вполне закономерно превращало вчерашних либералов в неопитов консерватизма.

Задаваясь вопросом, что следует сохранять, консерваторы-ортодоксы-традиционалисты, выступая своеобразным стержнем рассматриваемого движения, подчеркивают, что его нельзя сводить, уподобляясь упомянутым эпигонам, к сохранению институтов либеральной демократии, определяя подобное видение как проявление ситуативного или институционального, охранительного консерватизма, альтернативой ему назывался консерватизм подлинный, определяемый как интегральный и динамический. Так, по замечанию М. Ремизова, в концепции интегрального консерватизма контрактному подходу к обществу и индивидуализму противопоставляется органицизм, холизм (учение о приоритете целого по отношению к его частям), культурный фундамен-

тализм, рационализму – философия жизни, вере во всеобщие законы и универсальные ценности – историзм, социальному утопизму – геополитика и цивилизационный подход, вере в освобождение «естественного человека» – культурная антропология [15, с. 128–129].

На основании этих концептуальных установок формулируются пять принципов консерватизма, согласно первому, цивилизационному глобализму, Россия, будучи самостоятельной цивилизацией, не должна интегрироваться в какие бы то ни было глобальные альянсы, представленные в системе международных отношений (за исключением тех, где центром является она сама), поскольку это несет угрозу ее существованию.

Принцип экономического солидаризма, тесно связанный с предыдущим, гласит, что интеграция в мировое сообщество ведет к социальной дезинтеграции, связанной с деиндустриализацией, углублением сырьевой специализации, люмпенизацией населения и т.д., а потому государство должно предстать в виде мегакорпоративной системы, в рамках которой «политэкономические элиты» будут действовать во имя общегосударственных интересов, а бизнес и власть станут проявлять «исключительную солидарность» с собственным населением, «поскольку речь идет о соотечественниках». Отсюда следует, что социально-экономическая политика государства должна предполагать переход в его руки национального достояния в виде недр и инфраструктурных монополий и протекционизм для отечественных предпринимателей, обеспечение занятости и социальных прав для населения.

Принцип демографического национализма провозглашался в связи с тем, что в идеологии консерватизма особое внимание уделяется таким проблемам, как увеличивающийся приток из-за рубежа некоренных народов, а также разделённые положения русской нации на постсоветском пространстве. Их решение может быть достигнуто путем проведения политики, определяемой формулой «репатриация против иммиграции», предполагающей стимулирование процесса возвращения соотечественников, живущих в других государствах, на историческую родину [15, с. 133].

Принцип государственного легитимизма означает, что территориальная целостность России является фактом исторической преемственности всех форм российской государственности. Отсюда следует, что несоответствие этим формам системы государственного устройства отвергается, примером чему может служить неприятие концепции превращения России в государство-нацию с перспективой интеграции в евроатлантические структуры, а также концепции договорного федерализма, согласно которой государство учреждается своими собственными частями – субъектами федерации.

Принцип религиозного традиционализма предполагает поддержание высокого общественного статуса традиционных религий, их приоритет в культурной и влиянии в политической сферах. В первую очередь, речь идет о Православии, а значит, и о православной Церкви, деятельность которой определяет историческую идентичность государства, легитимизирует власть, способствует социализа-

ции граждан, придает России цивилизационную самостоятельность.

Эти же идеи с небольшими терминологическими отличиями представлены в концепции динамического консерватизма [16; 10]. Ключевой ценностной установкой здесь провозглашается патриотизм, отвергающий любые формы экспансии враждебных России сил. В связке с идеей патриотизма идут идеи: поддержания русской духовности, в основе которой, как подчеркивают консерваторы, лежит Православие, умеренного русского национализма (русская идея), сильного государства (державничество), социальной справедливости, экономического дирижизма, предполагающая активное участие государства в управлении экономикой, антиамериканизм и антизападничество.

Обозначая подобным образом свои идейно-политические приоритеты консерваторы-традиционалисты тем самым стремятся подчеркнуть отличие своего политического мировоззрения от мировоззрения поправевших либералов, показать неприятие результатов правления прозападных элит, вторгаясь при этом в проблематику, преимущественно осваиваемую левой политической мыслью, не забывая, впрочем, и теоретические наработки представителей русской консервативной мысли XIX в. [6, с. 60]. Так, указывая, что либеральные реформы привели к резкому снижению экономического, политического, военного потенциала страны, консервативные издания заявляют, что произошедшее стало возможным благодаря прямой поддержке всех разрушительных начинаний Западом, заинтересованным в ослаблении России, видевшим в ней

своего исторического врага и конкурента, о чем еще в позапрошлом веке писали Н. Данилевский и К. Леонтьев.

Несмотря на стремление консерваторов, выступающих с позиций идейной ортодоксии и стремящихся предстать в образе хранителей консервативных ценностей, подчас даже позиционирующих себя как системную оппозицию и контрэлиты [14, с. 52], результатом всех предпринимаемых ими усилий становились не победы на президентских или парламентских выборах, открывающие путь к обретению власти, а скорее превращение в младшего партнера партии власти, предоставляя той возможность заимствовать у себя определенные установки и лозунги.

Отдельные политические и идеологические расхождения не мешали консерваторам как из числа традиционалистов, так и в «ситуативных» неофитов говорить о наличии глобального, консервативного мегатренда современного цивилизационного развития, актуализации консервативных, фундаменталистских, традиционалистских моделей общественного развития, консервативном буме, охватившем Россию, определять консерватизм как стратегию будущего.

Достаточно часто аргументами в пользу способности консерватизма стать ведущим политическим движением, по крайней мере, в российских масштабах, выступает утверждение о его надклассовой и сверхидеологической природе, способности сочетать приверженность к национальным традициям, в том числе касающимся форм социально-политического устройства, с адаптацией к меняющимся реалиям общественной жизни, признанием необходимости проведения назревших

общественных реформ. Однако есть основания предполагать, что креативно-преобразовательные возможности консерватизма несколько преувеличены. Дело в том, что консерватизм как политическое движение идеологии отнюдь не носит надклассового характера, а напрямую произведен от интересов тех классов, положению которых начинают угрожать новые прогрессивные тенденции общественного развития; история консерватизма – прямое тому подтверждение. Консерватизм феодально-аристократический эволюционирует и превращается в консерватизм буржуазный, а учитывая, что призвание консерватизма любого вида сохранять, а не преобразовывать, предполагаемые консервативные реформы даже в условиях серьезного общественно-политического кризиса будут носить паллиативный характер, не предполагая сколько-нибудь серьезного ущемления интересов правящих элит. В особенности для роли реформаторов мало подходит консерваторы-традиционалисты, чье влияние на российскую государственную власть в начале XX в. не помешало низвержению монархии.

Что же касается XXI в., то свойственная ему высокая динамика экономического и социально-политического развития создает предпосылки для прекращения существования или

снижения значимости былых и, казалось бы, весьма устойчивых традиций. К тому же применительно к социально дифференцированным обществам вопрос о том, какие традиции можно рассматривать как общенациональные, представляется весьма спорным. Сказанное выше не означает, что консерватизм обречен на скорую политическую маргинализацию, напротив. Он будет жить до тех пор, пока будут существовать экономически и политически привилегированные группы, которым есть что терять и охранять. Маргинализация скорее станет уделом тех течений в консерватизме, которые излишне однозначно будут позиционировать свою приверженность правому радикализму, другим разновидностям политической реакции, не имеющему прочных социальных корней традиционализму.

Основной же массив консервативных партий и организаций, не ставя под сомнение верность своим идейно-политическим истокам, продолжит движение по пути интеграции в сложившуюся в России политическую систему, ассимилируя ценностные установки как либерального, так и социал-реформистского происхождения, рассчитывая таким образом увеличить число своих сторонников, тяготея к заключению политических союзов с прагматическими партиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Е.А. Идеинный облик российского социал-консерватизма // Вестник Башкирского университета. 2011. Т.16. № 4. С. 1376–1380.
2. Бызов Л.Г. «Неоконсервативная волна» в современной России: фаза очередного цикла или стабильное состояние? // Мир России (Социология. Этнология). 2010. Т. 19. № 1. С. 3–44.
3. Галкин А., Рахшмир П. Консерватизм в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1987. 192 с.
4. Давыдов А., Устинкин С. Консервативная идеология в политической системе современной России // Власть. 2010. № 11. С. 78–80.

5. История Партии // Единая Россия [сайт]. URL: <http://er.ru/history/> (дата обращения: 05.12.2017).
6. Консерватизм и развитие: основы общественного согласия / Под. ред. Б.И. Макаренко. М.: Альпина Пабlishер, 2015. 332 с.
7. Куликов В.И., Ширинянц А.А. Консервативный дискурс в концептуальном пространстве современной политической науки // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 3. URL: <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/692> (дата обращения: 25.10.2017).
8. Макаренко Б., Макаркин А. Либералы // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М.: Наследие Евразии, 2006. С. 84–93.
9. Мантиков Б.А. Консерватизм в постсоветской России: между ностальгией и утопией // Политика. 2012. № 1. С. 33–54.
10. Миронов Д. Интегральный консерватизм (К 3-летию Синего Жирафа) // Русский национальный культурный центр – Народный дом [сайт]. URL: <http://rusnardom.ru/integralnyiy-konservativizm-k-3-h-letiyu-sinego-zhirafa/> (дата обращения: 05.11.2017).
11. Нечаев Д.Н. Консервативные ценности программных документов политических партий РФ на парламентских выборах – 2011 // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 1. С. 113–121.
12. Окара А.Н. Консерватизм как модернистский проект и политтехнологии элиты // Контуры глобальных трансформаций. 2010. Т. 3. № 4. С. 119–121.
13. Поляков Л.В. К изучению российского консерватизма: история и метод // Политика. 2012. № 4. С. 29–44.
14. Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т, 2005. 196 с.
15. Ремизов М. Консерватизм // Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений. М.: Наследие Евразии, 2006. С. 117–140.
16. Ремизов М. Консерватизм сегодня: аналитический обзор (27.01.2006) // АПН: Агентство политических новостей [сайт]. URL: <http://www.apn.ru/index.php?newsid=1748> (дата обращения: 05.10.2017).
17. Репников А.В. Русский консерватизм: вчера, сегодня, завтра // Консерватизм в России и в мире: прошлое и настоящее [Вып. 1]. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 9–20.
18. Щипков А.В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе: дис. ... докт. полит. наук. М., 2016. 418 с.
19. Шувалов Ю.Е. Новый этап развития российской демократии // Современный российский консерватизм: сборник статей. М.: [б/и], 2011. С. 4–5.

REFERENCES

1. Belyaev E.A. [The ideological character of the Russian social conservatism]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2011, T. 16, no. 4, pp. 1376–1380.
2. Byzov L.G. ["Neo-conservative wave" in contemporary Russia: a phase of the next cycle or a stable stage?] *Mir Rossii (Sotsiologiya. Etnologiya)*, 2010, T. 19, no. 1, pp. 3–44.
3. Galkin A., Rakhshmir P. [Conservatism in the past and present]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 192 p.
4. Davydov A., Ustinkin S. [Conservative ideology in the political system of modern Russia]. *Vlast'*, 2010, no. 11, pp. 78–80.
5. Istoriya Partii [The history of the party]. *Edinaya Rossiya [United Russia]* [website]. Available at: <http://er.ru/history/> (accessed 05.12.2017).

6. [Conservatism and development: foundations of public consent]. Moscow, Al'pina Publisher Publ., 2015. 332 p.
7. Kulikov V.I., Shirinyants A.A. [Conservative discourse in the conceptual space of modern political science]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)*, 2015, no. 3. Available at: <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/692> (accessed 25.10.2017).
8. Makarenko B., Makarkin A. Liberaly [Liberals] Myslyashchaya Rossiya. Kartografiya sovremennykh intellektual'nykh napravlenii [Thinking Russia. Cartography of the contemporary intellectual trends]. Moscow, Nasledie Evrazii Publ., 2006, pp. 84–93.
9. Mantikov B.A. [Conservatism in the post-Soviet Russia: between nostalgia and utopia]. *Politiya*, 2012, no. 1, pp. 33–54.
10. Mironov D. Integral'nyi konservatizm (K 3-letiyu Sinego Zhirafa) [Integral conservatism (3-anniversary of Blue Giraffe)] Russkii natsional'nyi kul'turnyi tsentr – Narodnyi dom [Russian national cultural center – the people's house] [website]. Available at: <http://rusnarod.ru/integralnyiy-konservatizm-k-3-h-letiyu-sinego-zhirafa/> (accessed 05.11.2017).
11. Nechaev D.N. [Conservative values of program documents of political parties of the Russian Federation in the parliamentary elections of 2011]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 2013, no. 1, pp. 113–121.
12. Okara A.N. [Conservatism as a modernist project and the political strategies of the elite]. *Kontury global'nykh transformatsii*, 2010, T. 3, no. 4, pp. 119–121.
13. Polyakov L.V. [To the study of Russian conservatism: history and method]. *Politiya* [Politiya], 2012, no. 4, pp. 29–44.
14. Popov E.A. [Russian conservatism: ideology and socio-political practice]. Rostov-on-Don, Rostovskii gos. un-t Publ., 2005. 196 p.
15. Remizov M. Konservatizm [Conservatism]. *Myslyashchaya Rossiya: kartografiya sovremennykh intellektual'nykh napravlenii* [Thinking Russia: a cartography of contemporary intellectual trends]. Moscow, Nasledie Evrazii Publ., 2006, pp. 117–140.
16. Remizov M. Konservatizm segodnya: analiticheskkii obzor (27.01.2006) [Conservatism today: the analytical review (27.01.2006)]. APN: Agentstvo politicheskikh novostei [APN Agency of political news] [website]. Available at: <http://www.apn.ru/index.php?newsid=1748> (accessed 05.11.2017).
17. Repnikov A.V. Russkii konservatizm: vchera, segodnya, zavtra [Russian conservatism: yesterday, today, tomorrow]. *Konservatizm v Rossii i v mire: proshloe i nastoyashchee* [Вып. 1] [Conservatism in Russia and the world: past and present [Vol. 1]]. Voronezh, Voronezhskii gos. un-t Publ., 2001, pp. 9–20.
18. Shchipkov A.V. [Liberalism and social conservatism in the modern ideological discourse: thesis... doctor of polit. sci.]. Moscow, 2016. 418 p.
19. Shuvalov Yu.E. Novyi etap razvitiya rossiiskoi demokrati [The new stage in the development of Russian democracy]. *Sovremennyyi rossiiskii konservatizm* [Modern Russian conservatism]. Moscow, [b/i], 2011, pp. 4–5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вититнев Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: svititnev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey F. Vititnev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the department of Politology and Law, Moscow Region State University;
e-mail: svititnev@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Вититнев С.Ф. Современный российский консерватизм и политический процесс // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 227–240.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-227-240

FOR CITATION

S. Vititnev. Modern Russian Conservatism and the Political Process. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 227–240.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-227-240